

Толстой противъ Толстого.

Отъ словъ своихъ оправдаешься и отъ словъ своихъ осудишься.

Матв. XII, 37.

I.

Величіе Толстого признано всѣми, до такой степени *всѣми* и до такой степени *во всѣхъ*, что становится жутко. Первый изъ русскихъ Толстой стяжалъ себѣ *мировую* славу. И слава эта столь велика, что, быть-можетъ, изъ всѣхъ извѣстныхъ людей послѣднихъ вѣковъ Толстой самый извѣстный и изъ всѣхъ знаменитыхъ людей нашего времени самый знаменитый. *Ни о комъ* изъ живыхъ людей столько не говорили и не писали. Ни одинъ писатель, артистъ и общественный дѣятель при своей жизни не былъ славенъ въ такой степени, какъ Толстой, *во всѣхъ частяхъ свѣта*. И невольно поднимается вопросъ: поскольку *подлинна* эта слава? Поскольку *искренно* это признаніе?—вопросъ горькій, но неизбѣжный. Слава Толстого холодная, внѣшняя. Съ признаніемъ связывается глубочайшее равнодушіе. Да! Возмутительное равнодушіе къ тому, *чѣмъ жилъ и мучился Толстой* всю свою жизнь, каменное невниманіе ко всѣмъ душевнымъ стонамъ, ко всѣмъ искреннимъ вздохамъ этого великаго и слабаго человѣка.

„Вы считаете, что война необходима, — приводится въ „Аннѣ Карениной“ изреченіе А. Кагг’а.—Прекрасно. Кто проповѣдуетъ войну,—въ особый передовой легіонъ, и на штурмъ въ атаку, впереди всѣхъ!“

Вы считаете, что Толстой великъ и мудръ,—можно сказать огромному большинству, т. е. сотнямъ миллионовъ почитателей Толстого.—Прекрасно! Примите же *за правду* его завѣты и поуче-